

БЕЖЕНЦЫ

Т О М 1 • № 1 3 4 • 2 0 0 4

Мечты, страхи и эйфория

**ДОЛГАЯ
ДОРОГА
ДОМОЙ**

Куда же податься?

Когда 23-летняя Мохан Радж Суматхи решила вернуться морем на родину, в Шри-Ланку, из изгнания в Индии, это едва не стоило ей жизни.

Под ударами штормовых волн утлая рыбацкая лодка, в которой нелегально переправлялись в числе других беженцев она с мужем и трехлетней дочкой, перевернулась, и все оказались в море.

Никто не умел плавать, но в конце концов все кое-как выбрались на берег. Мохан вспоминает: “Мы лишились всего, с трудом уцелели, но многие целовали землю, когда мы добрались до нее. Как хорошо, как замечательно вернуться домой!”

Намибийские беженцы возвращаются, 1989 г.

© L. ASTROM-NAM, 1989

А в районе Африканского Рога Мзилал Кидане Маашо и ее муж несколько десятилетий ждали, чтобы, уже состарившись, почти слепыми вернуться в Эритрею. “Мы благодарим Бога за то, что он дал нам дожить до этого момента, – сказали они тогда. – Наконец-то мы дома”.

Несмотря бытующие в ряде стран, в основном развитых, представления, будто бесчисленные грозные орды беженцев надвигаются именно на них, большинство из более чем 50 млн. беженцев и других лиц, которым УВКБ ООН в течение более пяти десятилетий оказывало помощь, начали заново обустраивать свою жизнь на родине предков.

Есть люди, которые по различным причинам не могут вернуться домой и которые нуждаются в помощи, чтобы начать новую жизнь в странах, где они впервые попросили убежища, или чтобы переселиться на постоянное место жительства в третьи страны. Отмечаемый в этом году Всемир-

ный день беженца будет символизировать все это многообразие надежд и устремлений в рамках единой темы: “Место, которое можно назвать домом”.

Конечно, даже если беженцы хотят вернуться домой, а условия там изменились настолько, что они получают возможность сделать такую попытку, ситуация может оказаться исключительно сложной, и это подчеркивается в разных материалах данного специального выпуска журнала.

В Судане, например, сотни тысяч мирных жителей надеются вскоре вернуться на юг страны, в то время как большое число других суданских граждан бежали из западной части страны в соседний Чад из-за продолжающегося в этом регионе конфликта.

Необходимо восстановить инфраструктуру. Многие так называемые беженцы на самом деле родились уже в изгнании. Иными словами, они никогда не видели “дома”, в который собираются вернуться, и жизнь там может оказаться даже труднее, чем в тесных пределах лагеря беженцев. Им придется преодолевать и другие глубокие социальные, экономические, политические и религиозные препятствия.

Несмотря на эти проблемы, видны обнадеживающие признаки того, что все большее число изгнанных из родных мест людей, включая множество бежавших от затяжных кризисов, таких как в Судане, Анголе и Афганистане, продолжают голосовать ногами. Статистика красноречиво свидетельствует о том, что в начале нового тысячелетия агентство по делам беженцев оказывало помощь 500 тыс. человек, с тем чтобы они заново начали жизнь на родине. К 2002 г. их число возросло до примерно 2,5 млн., и такая тенденция сохранялась в прошлом году.

Поддерживая личное желание беженцев вернуться домой, организации, занимающиеся вопросами развития, и гуманитарные учреждения, такие как УВКБ ООН, также добились в последние годы значительных успехов в развертывании более отвечающих требованиям дня и прогрессивных программ помощи не только возвращающимся беженцам, но и тем общинам, в которые они возвращаются.

Для закрепления этих успехов понадобятся дополнительные средства и новые программы, но ясно одно: при хотя бы минимальной поддержке те закалка и жизнестойкость, которые, находясь в изгнании, выработали в себе беженцы, позволяя им заново обустроить родной “очаг” и начать новую жизнь.

ДОРОГА ДОМОЙ

МЕЧТЫ И СТРАХИ

"Я возвращаюсь на ту землю, которую даровал нам Бог"

Мозамбик,
1994 г.

© S. SALGADO-MOZ-1994

Возвращение домой – конечная цель большинства беженцев, однако этот шаг порождает как эйфорию, так и страх.

Добраться до дома

Беженцы возвращаются домой на самолетах, грузовиках, пешком, на ослах или автобусах, небольшими группами или массовыми людскими волнами. Слева направо: Бангладеш, 1972 г.; Мали, 1997 г.; Руанда, 1996 г.; Эфиопия, 1998 г.; Афганистан, 2002 г.

CICR/F. STEINEMANN

UNHCR/C. SHIRLEY/CS/MLI-1997

UNHCR

На языке гуманитарных работников это называется “мозамбикским чудом”, и Мария Рекартаде достойно прошла через все сопряженные с ним испытания. В течение 30 лет Мозамбик, протянувшийся длинной полосой гор и зарослей кустарника вдоль восточного побережья Африки, раздирался на части – сначала в борьбе против португальских колонизаторов, а потом в ходе жестокой гражданской войны.

Были убиты десятки тысяч мирных жителей, в том числе муж Марии, ее брат и несколько родственников. Около 6 млн. человек покинули свои дома, в том числе эта молодая крестьянка.

“Я увела своих четверых детей в заросли кустарника, где мы прятались много ночей”, – вспоминает она о том, как боялась и правительственных войск, и партизан, пока, наконец, не бежала в соседнюю Зимбабве. “Если бы я осталась, меня бы убили”, – говорит Мария.

Так она надолго стала беженкой, и, подобно десяткам миллионов людей, насильно изгнанных из родных мест как до, так и после этих событий, мысль о том дне, когда она вернется домой, поддерживала ее все эти годы лишений и приступов отчаяния.

“Бывало, неделями и месяцами я думала лишь о погибшем муже и моем доме, – говорит она. – У меня остались только воспоминания”. Однако, хотя мысли о доме поддерживали ее, в судьбе Марии произошло еще несколько неожиданных поворотов, прежде чем ее мечта осуществилась.

Она вновь вышла замуж, и после подписания в 1992 г. мирного соглашения наступил “ответственный момент” – пора было возвращаться. Всех охватила безудержная радость, которая сменялась сомнениями и недобрыми предчувствиями.

“Никогда в жизни я так не радовалась, как когда впервые услышала об окончании войны, – говорит Мария. – Но затем меня охватил страх. В лагере беженцев я была в безопасности. Мои дети были сыты. Чего ради мне снова рисковать всем? Ведь если военные действия возобновятся, погибнет и моя новая семья.

Но Мозамбик – мой дом, и я должна туда вернуться”.

Она поборолa этот первоначальный страх, однако, когда вернулась в Мозамбик, ее поджидал новый сюрприз. “Нас высадили из автобуса, – вспоминает она. – Гуманитарные работники дали нам продуктов, несколько листов пленки от дождя и кое-какие инструменты. Но больше у нас ничего не было. Ничегошеньки. Не было ни домов, ни школ, ни колодцев, ни семян для посева. Казалось, здесь не было и будущего”.

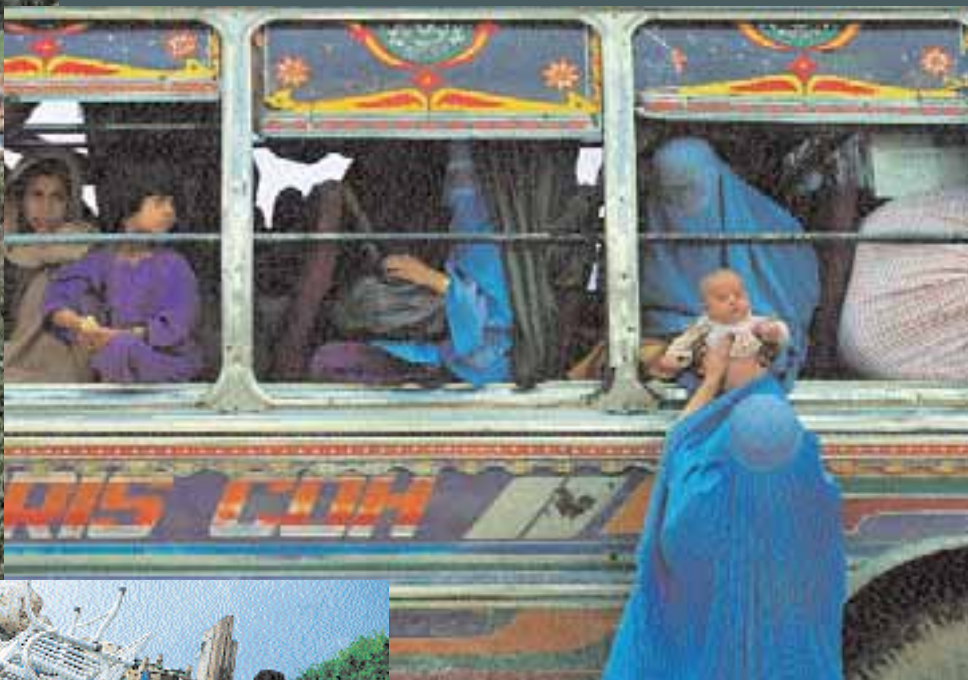
Она не пала духом и, по местным стандартам, даже добилась успехов: сложила аккуратную пилхоту (хижину) из сырого кирпича с прокаленным солнцем чисто подметенным двором и небольшим участком для выращивания овощей и содержания коз и кур.

В течение 30 месяцев в начале 1990-х гг. 1,7 млн. таких же, как Мария, беженцев на поездах, самолетах

“НИКОГДА Я ТАК НЕ РАДОВАЛАСЬ, КАК КОГДА ВПЕРВЫЕ УСЛЫШАЛА ОБ ОКОНЧАНИИ ВОЙНЫ. НО ЗАТЕМ МЕНЯ

/R.CHALASANI/CS/TZA-1996

UNHCR/N.BEHRING/DP/AFG-2002

UNHCR/L.TAYLOR/CS/ETH-1998

тах, автомобилях, автобусах или просто пешком возвращались домой. Еще 4 млн. мирных жителей, прятаясь в бунге близ своих деревень, вышли из укрытий. Так была проведена одна из самых успешных в современной истории репатриаций.

“ЕДИНСТВЕННО ВОЗМОЖНОЕ” РЕШЕНИЕ

История поиска наиболее действенных путей оказания беженцам помощи в том, чтобы заново начать свою жизнь, была отнюдь не простой.

В середине прошлого века, когда впервые были созданы международные структуры для оказания помощи людям, бежавшим из родных мест, их усилия попеременно сосредоточивались то на “возвращении домой”, то на переселении людей на новое место – в зависимости от особенностей конкретного кризиса и политических соображений в связи с исходом тех или иных беженцев.

В условиях хаоса, царившего во время и по окончании Второй мировой войны, Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРРА) помогла репатрироваться примерно 7 млн. человек.

В 1946 г. была создана организация-преемник, Международная организация по делам беженцев (МОБ), однако она действовала в другом направлении и переселила более 1 млн. человек в принимающие страны по всему миру.

В первые десятилетия существования УВКБ ООН правительства западных стран продолжали открывать свои двери венгерским и другим восточноевропейским

беженцам в период “холодной войны”, а также мирным жителям из Индокитая после войны в Юго-Восточной Азии.

Однако в связи с изменением глобального политического климата и ростом числа людей, находившихся в ведении УВКБ ООН, с примерно 1 млн. человек, когда агентство начинало работать в 1951 г., до более чем 27 млн. в середине 1990-х гг., запас гостеприимства в значительной степени иссяк. Сегодня единственным реально осуществимым решением для большинства из таких людей является то, что на официальном языке называется “добровольной репатриацией”.

За последние два-три года появились обнадеживающие признаки того, что все больше гражданских лиц, особенно тех из них, которые длительное время находились на положении перемещенных лиц в результате так называемых затяжных кризисов, возвращаются в родные деревни и города.

В начале нового тысячелетия УВКБ ООН помогло вернуться домой примерно 500 тыс. человек. В 2002 г. их число резко возросло – до почти 2,5 млн., главным образом за счет огромного числа возвращающихся в родные места афганцев. Официальные данные за прошлый год хотя и отражают некоторое замедление темпов этого процесса, все же свидетельствуют о том, что число официально зарегистрированных возвращающихся все еще велико. Кроме того, не менее 2 млн. человек в таких странах, как Ангола, по всей видимости, вернулись домой, никого не ставя в известность и без какой-либо официальной помощи.

ОХВАТИЛ СТРАХ. В ЛАГЕРЕ БЕЖЕНЦЕВ Я БЫЛА В БЕЗОПАСНОСТИ. ЧЕГО РАДИ МНЕ СНОВА РИСКОВАТЬ ВСЕМ?”

Реальность

Жизнь часто жестока к беженцам, когда они находят свои дома разрушенными или когда вынуждены отстраиваться буквально с нуля. Слева направо: Шри-Ланка, 2002 г.; Афганистан, 2003 г.; Косово, 1999 г.; Эритрея, 2001 г.; Кабул, 2003 г.

UNHCR/R. CHALASANI/DP/LKA-2002

UNHCR/R. CHALASANI/31057

СЛОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

По идее, поскольку беженцы, гуманитарные организации, такие как УВКБ ООН, и правительства ведущих стран мира сходятся во мнении относительно общего решения проблемы, процесс “возвращения домой” должен проходить сравнительно гладко. Однако на практике это всегда сложное уравнение, включающее диаметрально противоположные соображения эмоционального и практического характера – эйфорию и страх, мечты и кошмары, ностальгию и враждебность, – которые необходимо учитывать при поиске решения.

Зачем оставлять сравнительно безопасный лагерь беженцев, сколь бы тяжелыми ни были в нем условия, чтобы ринуться в неизвестность? А будут ли “дома”, куда предстоит вернуться, реальные дома, школы, больницы? А как насчет земли и семян? Будут ли у них работа и возможность получить образование? И как быть с такой опасностью для жизни и здоровья, как противопехотные мины? Смогут ли люди, которые отсутствовали, порой много лет, социально реинтегрироваться среди населения, которое во время войны оставалось дома?

Во многих случаях изменились и отсутствовавшие, и оставшиеся... Разрослись их семьи, некоторые даже сменили веру. Смогут ли люди, особенно молодежь, ощутившие в изгнании некоторые преимущества городского образа жизни или урбанизации, пусть даже

в пределах перенаселенного лагеря беженцев, вернуться в оторванные от цивилизации и часто первобытные деревушки и фермы?

Порой беженцам приходится принимать нелегкое решение: стоит ли возвращаться в страну, где в одном регионе течет мирная жизнь, а в другом – идут бои. Так было в Афганистане, в бассейне реки Конго, и такова сегодня ситуация в Судане, где сотни тысяч беженцев могут в этом году вернуться на юг страны, в то время как почти столько же людей были перемещены в результате продолжающихся боев на западе, а многие бежали в соседний Чад.

Если подобные дилеммы стоят перед каждым отдельным беженцем, то организации, в том числе УВКБ ООН, должны с самого начала чрезвычайной ситуации учитывать в своих планах варианты того, как и когда беженцы в конце концов вернутся домой.

Существуют очевидные и безотлагательные организационные и связанные с материально-техническим обеспечением проблемы: как долго прибывающие беженцы предположительно пробудут на новом месте и каковы будут их потребности в жилье, продовольствии и медицинской помощи?

Однако есть и менее заметные проблемы, которые в конечном счете также оказывают влияние на процесс “возвращения домой”. Если гражданские лица останутся в изгнании на продолжительное время, то когда следует создавать школы? Какие в них должны

**ОГРОМНОЕ БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ, ИЗГНАННЫХ ИЗ СВОИХ ДЕРЕВЕНЬ
И ЕДИНСТВЕННЫМ РЕАЛЬНО ОСУЩЕСТВИМЫМ РЕШЕНИЕМ ДЛЯ**

UNHCR/S.BONESS/CS/ERI-2001

быть учебные программы – принимающей страны или региона, откуда прибыли беженцы? В случае беженцев из Мозамбика, должны ли их дети учиться на языке общения их страны – португальском – или на английском языке, на котором говорят в соседних принимающих государствах? Какой язык окажется для них в конечном счете более полезным?

Каким умениям следует обучать в лагерях беженцев, чтобы они пригодились, если и когда беженцы вернутся домой? В какой степени гуманитарным учреждениям следует участвовать в решении очевидных проблем социального и культурного неравенства в среде беженцев?

В течение многих лет расширение прав и возможностей женщин является важным направлением работы с беженцами, однако какие это будет иметь для них последствия, когда их семьи вернутся в свои деревни с традиционным укладом и к прежнему образу жизни? Должны ли в этом случае девочки продолжать учебу в школе? (Это уже вызвало отрицательную реакцию в некоторых частях Афганистана.) Кто будет фактически принимать решения в домохозяйстве и кто должен работать?

Как можно ликвидировать пресловутый “разрыв” между предоставлением экстренной гуманитарной помощи (распределение продовольствия, жилья и медикаментов в лагерях беженцев) и более долгосрочной помощью в целях развития (восстановление больниц

и другой инфраструктуры в деревнях, куда возвращаются беженцы), который десятилетиями осложняет ситуации с беженцами?

И все же, сколь бы много беженцев ни возвращались в своих “прежние дома”, как лучше всего помочь обрести “новый дом” в других странах тем, кто по различным причинам не может вернуться?

СМЯТЕНИЕ

Если у беженцев старшего поколения сохраняется сильная тяга к “родному дому”, то для молодого поколения все не так просто: в наиболее поддающемся влиянию и восприимчивом возрасте они, возможно, впервые оказались в совершенно иной социальной среде, где все иное, даже музыка, мода, традиции употребления алкоголя, где есть электричество и водопровод.

Многие из этих подростков родились в изгнании и никогда не видели родного “дома” или даже своей страны. Хотя точное их число определить трудно, к этой категории относятся, возможно, не менее 50–60% сегодняшних беженцев.

Лиякат Айхан Мохаммед Аслам был совсем маленьким, когда его семья бежала из Шри-Ланки из-за четвертьвекового вооруженного конфликта, в ходе которого примерно 65 тыс. человек были убиты и около 1 млн. изгнаны из родных мест. После объявления в 2002 г. о прекращении огня между правительством и

**И ГОРОДОВ ВОЙНОЙ И ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ, ХОТЯТ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ.
БОЛЬШИНСТВА ИЗ НИХ ЯВЛЯЕТСЯ ДОБРОВОЛЬНАЯ РЕПАТРИАЦИЯ.**

Восстановление

Беженцы изобретательны в восстановлении своих домов, своих стран и сознают важность образования. Слева направо: Босния, 1998 г.; Камбоджа, 1980 г.; Ангола; Афганистан, 2003 г.; Сьерра-Леоне, 2003 г.

UNHCR/P. JAMBOR/10208

UNHCR/C. SHIRLEY/CS/BIH-1998

повстанцами из движения “Тигры освобождения Тамил-Илама” более 300 тыс. мирных жителей вернулись домой, и этот молодой человек, которому был уже 21 год, тоже не испытывал никаких сомнений относительно своего будущего.

“Когда мы бежали, мне было семь лет, – вспоминает он. – Я вообще не помню своей деревни. Но я буду гордиться, что вернулся. Просто не могу этого дождаться”.

На другом конце света 24-летний Джеймс Бадрдин недавно вернулся в предгорья Нубы в Судане, однако возвращение домой оказалось для него культурным шоком (см. стр. 16). Проведя годы изгнания на улицах оживленной кенийской столицы, Найроби, он не находил ничего привлекательного в родной деревне, где не было ни работы, ни электричества, где он не мог ходить на свидания с девушками, как бывало в Кении, и где даже его джинсы и кассеты с записями в стиле “хип-хоп” были вызывающе неуместными.

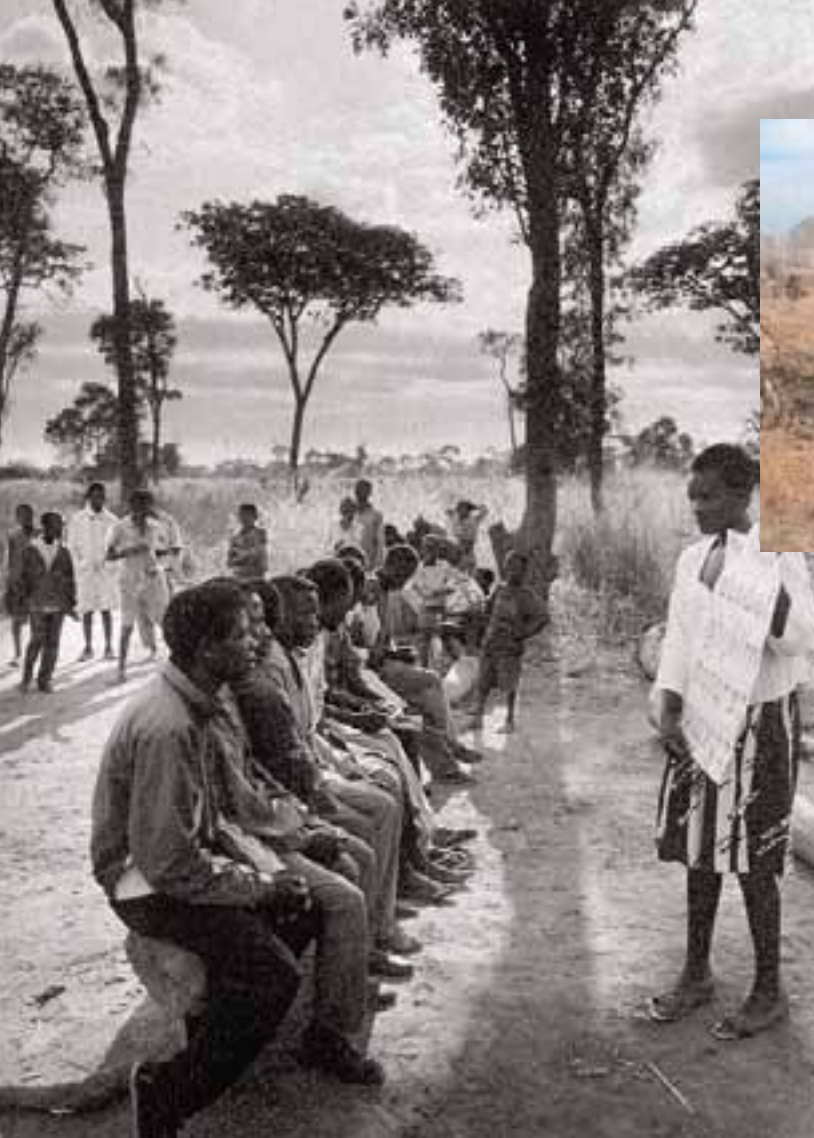
Молодые люди, которые нашли убежище в осажденной боснийской столице Сараево во время войн 1990-х гг. на Балканах или отважились на более дальнее путешествие в Европу и Северную Америку, часто в беседах выражали беспокойство относительно возвращения в замкнутую среду сельской жизни в домах без электричества и водопровода, практически лишенную социальной активности.

Даже возвращающиеся беженцы постарше считают, что и они сами, и те, кто остался дома, необратимо изменились. Тридцатипятилетний Антор Омар бежал из своей деревни в 1989 г., спасаясь от охватившей Судан гражданской войны, но во время своего вынужденного пребывания в столице страны, Хартуме, он принял ислам. Когда он вернулся домой с молодой семьей, им пришлось немало постараться, не только чтобы “стать селянами” и научиться заниматься сельским хозяйством, но и чтобы преодолеть глубокие религиозные противоречия с отцом Омара – христианином. Вражда между преимущественно мусульманским севером и христианско-анимистическим югом Судана во многом и является источником многочисленных бед страны. И здесь этот же конфликт, но в миниатюре, в масштабах одной семьи, внутри которой идет война.

ГОРЬКАЯ РАДОСТЬ ОТЪЕЗДА

Беженцы добираются до дома по-разному – самостоятельно, небольшими группами, пешком или, наоборот, в ходе тщательно организованной репатриации, когда за один день отправляются иногда десятки тысяч людей. В 2002 г. за несколько месяцев пребывания у власти временного правительства домой вернулись более 2 млн. афганцев. В тот же период не менее 1,5 млн. человек, перемещенных внутри Анголы, и

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ ДОМОЙ – СЛОЖНОЕ УРАВНЕНИЕ, ВКЛЮЧАЮЩЕЕ ДИАМЕТРАЛЬНО ЭЙФОРИЮ И СТРАХ, МЕЧТЫ И КОШМАРЫ, НОСТАЛЬГИЮ И

100 тыс. беженцев, не дожидаясь какой-либо официальной помощи, просто взяли и вернулись домой.

Как ни странно, беженцев огорчает не только неопределенность их будущего, о чем говорила по возвращении в Мозамбик Мария Рекартаде, – они со слезами на глазах расстаются с лагерем беженцев, знакомым окружением и многочисленными друзьями, которыми успели обзавестись, особенно если находились в изгнании много лет.

«Мзилал Кидане Маашо, окруженная плачущими внуками, обнимала и целовала своих соседей, да и у нее самой слезы текли по щекам, – сообщал недавно в одном из своих репортажей журнал “Беженцы”, описывая отъезд эритрейских беженцев из Судана. – Ее муж, Кидане Маашо, также не мог сдержать рыданий, хотя и заявил, что он 20 лет ждал этого момента и не боится возвращаться домой. Ему грустно было оставлять здесь своих друзей, но он возвращается “на ту землю, которую даровал нам Бог”».

Эту семью, как и многие другие, сплотили не только неотступная и всепоглощающая мечта о родовой хижине, но и мысли о маленьких, сугубо личных радостях, по которым они особенно тосковали в изгнании, что лишь усиливало стремление вернуться домой.

“До того как я попал в Судан (строго исламскую страну, где алкоголь запрещен), я любил выпить пи-

ва, но за последние 20 лет – ни глотка”, – предавался воспоминаниям Маашо. Они с женой встретили теплый и доброжелательный прием со стороны приветствовавшей их разновозрастной семьи, которая по этому случаю прилетела в Эритрею из своего нового дома в Соединенных Штатах. А по поводу холодного как лед напитка, доставившего ему особое удовольствие, Кидане Маашо, посмеиваясь, сказал: “Наконец-то я выпил пива – такого холодного и вкусного”.

Не всякое возвращение домой бывает столь приятным, как у семьи Маашо. Когда Осман Хисенлекадж вернулся в Косово после непродолжительного пребывания беженцем в соседней Албании, его дом был разрушен, а 40 овец и 10 коров – давно забиты. Еще более горестным оказался осмотр другого дома у подножия горы с весьма подходящим названием – Гора проклятых. В поисках имущества Осман наткнулся на тело своего 83-летнего отца, который отказался бежать от наступающих сербов и был сброшен в ближайший колодезь.

Осман вычистил амбар, чтобы у его жены и детей была крыша над головой, и рядом под деревом разбил предоставленную УВКБ ООН палатку, чтобы укрыться от летнего зноя. “Я знаю только одно – нужно как-то жить дальше”, – сказал он тогда, демонстрируя стойкость, которая позволила миллионам обездоленных людей выдержать “судьбу беженца” и выжить.

**ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА –
ВРАЖДЕБНОСТЬ, – КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМО УЧИТЫВАТЬ.**

Двадцатитрехлетняя Мохан Радж Суматхи также решила вместе с дочерью и мужем вернуться из Индии домой в Шри-Ланку, однако ее возвращение едва не кончилось бедой, когда утлая рыбацкая лодка, на которой они плыли, ночью опрокинулась и 20 пассажиров оказались в угольно-черной воде. Никто не умел плавать, однако двое попутчиков подхватили ее трехлетнюю дочь Рану и держали ее над волнами, в то время как остальные барахтались на мелководье. В конце концов им удалось перевернуть лодку и добраться до берега.

“Мы лишились всего, с трудом уцелели, но многие целовали землю, когда мы добрались до нее, – сказала она. – Как хорошо, как замечательно вернуться домой! Я ни о чем не жалею”.

УЧАСТЬ ПО ХОДУ ДЕЛА

Операции по “возвращению домой” стали и для гуманитарных организаций школой, обучение в которой – это некая кривая, круто идущая вверх. Поскольку прежде их внимание было в основном сосредоточено на ближайших задачах в условиях чрезвычайных ситуаций в связи с бегством людей – предоставление беженцам юридической и материально-технической помощи в лагерях, – процессу репатриации

часто уделялось лишь незначительное внимание, а ресурсы на нее выделялись по остаточному принципу.

Один сотрудник, работавший на месте, вспоминает, как в 1990 г. помогал намибийцам в возвращении домой. “Мы сажали беженцев во внедорожник и направлялись в буш. Однажды, когда уже стемнело, остановились возле маленькой хижины из колючих ветвей и палок, чтобы вернуть нескольких репатриантов в их семью. Разбуженные светом фар и шумом двигателя члены семьи вышли из хижины и ошоломлены, – сказал он. – Они ничего не знали о нашем приезде. Для всех это стало неожиданностью. Мы просто высадили беженцев и уехали. Интересно, что было дальше”.

С тех пор такие операции стали гораздо более организованными. Беженцы, которые возвращаются домой под эгидой УВКБ ООН, как правило, получают не только помощь в переезде, но и самые необходимые вещи – от одежды до семян, запас продовольствия на несколько месяцев и строительные материалы для восстановления хотя бы подобия жилья.

Хотя вопрос этот мало изучен, очевидно, что и сами беженцы проявляют немалую житейскую мудрость при решении вопроса о том, когда и как им возвращаться. Часто семья посылает одного или двух своих членов – как правило, пожилых, которым больше всего не терпится вернуться домой, – разведать обстановку. Бывает, что те сразу устраиваются на прежнем месте и, не дожидаясь остальных, начинают отстраиваться заново, а бывает, что сообщают родне об имеющихся трудностях.

На Балканах некоторых таких репатриантов, совершавших подобные челночные поездки, прозвали “однодневными экскурсантами”. Тем временем ос-

тальная семья продолжала получать международную помощь и пристанище.

Много лет назад УВКБ ООН осознало также важность охвата всеми экономическими, социальными и культурными проектами не только репатриантов, но и местных общин. Было начато осуществление так называемых проектов с быстрой отдачей, например по восстановлению дорог и больниц, в интересах всех жителей, хотя, по мнению некоторых критиков, в дальнейшем не прилагались систематические усилия для обеспечения жизнеспособности многих из этих программ в долгосрочной перспективе.

Верховный комиссар Рууд Любберс вновь подчеркнул важность усилий по ликвидации разрыва между оказанием экстренной гуманитарной помощи на начальном этапе любого кризиса с беженцами и долгосрочной помощью в целях развития, когда беженцы возвращаются домой.

В отношении же тех беженцев, которые ни при каких обстоятельствах не могут вернуться домой, агентство продолжает побуждать страны, принимающие у себя общины беженцев, интегрировать их в местное население, а правительствам более дальних государств оно рекомендует предоставить большему числу изгнанных из родных мест лиц возможность переехать к ним на постоянное жительство и начать новую жизнь.

Джефф Крисп, глава Отдела оценки эффективности работы УВКБ ООН, заявил, что нужно больше исследований и больше гибкости, для того чтобы усовершенствовать процесс возвращения беженцев.

Взять, к примеру, обучение беженцев основным умениям и навыкам, скажем, столь обычным, как шитье для женщин и плотницкое дело для мужчин. Во всех ли случаях необходимы именно эти программы? И должен ли человек лишь потому, что, до того как стать беженцем, он был фермером и жил в небольшой деревне, продолжать заниматься тем же и там же, если условия на месте, возможно, кардинально изменились?

КРЕПКИЕ УЗЫ

Несмотря на все трудности, тяга к дому для большинства беженцев оказывается сильнее любых препятствий. Почти 1 млн. этнических албанцев бежали в 1999 г. из Косова. Их часто выдавливали оттуда, угрожая оружием. Они видели, как сербские солдаты безжалостно убивали членов их семей, разрушали дома и намеренно уничтожали их удостоверения личности.

Однако менее чем через три месяца колесо фортуны совершило крутой поворот, и большинство беженцев под защитой сил НАТО вернулись домой в разоренный войной край. Возможно, никогда прежде такая масса людей не спасалась бегством, а затем не возвращались за столь короткий срок.

Абдул Хамиду Бадурдину дали всего два часа на то, чтобы он покинул свой дом в Джаффне в Шри-Ланке, запретив брать в собой какие-либо пожитки. “Нам сказали, что, возможно, мы вернемся уже через два дня, – вспоминал он. – Прошло тринадцать лет, а мы все еще не дома”.

Но, добавил он, “сколько бы времени ни прошло, мы когда-нибудь вернемся домой”.

А в Эритрее престарелая супружеская пара Мзилал Кидане Маашо и ее муж сказали нам: “Мы благодарим Бога за то, что он дал нам дожить до этого. Мы стары и немощны, но наконец добрались до дома”. ■

Тимор, 1999 г.:
радость
возвращения.

ПОРОЙ БЕЖЕНЦАМ ПРИХОДИТСЯ ПРИНИМАТЬ НЕЛЕГКОЕ РЕШЕНИЕ: СТОИТ ЛИ ВОЗВРАЩАТЬСЯ В СТРАНУ, ГДЕ В ОДНОМ РЕГИОНЕ ТЕЧЕТ МИРНАЯ ЖИЗНЬ, А В ДРУГОМ – ИДУТ БОИ.

КУРДЫ ФАИЛИ

Изгнание. Форсированный марш. Утрата гражданства

МАРИ-ЭЛЕН ВЕРНЭ

"Бог един. Все мы чтим одного и того же Бога, так почему же от нас должна отворачиваться наша родина?" Джасем Мохамед Салхек качает головой и умоляет, погружаясь в воспоминания и в созерцание близлежащей горной гряды Загрос, снежные вершины которой создают не только величественный фон, но и почти непреодолимый барьер между нынешним местом жительства Джасема в лагере беженцев в Азне, Иран, и его родным Ираком, который оторнул его четверть века назад.

Джасем – курд из племени фаили, чьи предки некогда обладали значительной экономической властью в стране Плодородного полумесяца, но в 1970-х и 1980-х гг. стали жертвой тиранического режима Саддама Хусейна.

В этот период миллионы мирных жителей из разных областей, различных верований – “болотные”, или низинные, арабы, мусульмане-шииты и сунниты – покинули страну сами или их вынудили бежать, но особенно трагичной оказалась судьба примерно 300 тыс. изгнанных курдов фаили. Они лишились не только дома, но и родины – официально лишённые гражданства, они, как и еще примерно 9 млн. людей по всему миру, оказались в сумеречном мире правового вакуума, став лицами без гражданства – апатридами.

Положение Джасема и курдов фаили в саддамовском Ираке было двусмысленным. Большинство среди 4 млн. иракских курдов составляют мусульмане-сунниты, живущие на севере страны. Фаили же являются мусульманами-шиитами из так называемого фаилийского треугольника в Центральном Ираке, куда входит Багдад, где они десятилетиями жили в условиях дискриминации и недоверия.

Закон 1924 г. об иракском гражданстве разделил население страны на три категории по религиозно-этническому признаку, создав, в сущности, три вида гражданства. Курды-шииты систематически относились к низшей категории и постоянно были ми-

шенью для представителей власти, которые утверждали, что, как последователи шиизма, они на самом деле являются выходцами из Ирана, где большинство населения составляют шииты.

Несмотря на гонения, жизнь Джасема в Ираке складывалась неплохо, и он не задумывался о своем происхождении. Владея текстильной фабрикой, поддерживал тесные деловые отношения с другими фаили, контролировавшими легендарный багдадский базар и, таким образом, значительную часть экономического достояния страны.

Как и его отец, дед и прадед, он родился в столице. Оказавшись в изгнании, он продолжает размахивать иракскими документами: “Посмотри, – говорит он, указывая на фотографию совсем еще молодого человека, – это я. Здесь сказано: родился в Багдаде”. Он бережно достает старый, ломкий лист пожелтевшей бумаги с фотографией старика с длинной белой бородой – иракское удостоверение личности его отца.

ВОЗНИКШИЕ ПРОБЛЕМЫ

Но функционеры правившей в Ираке партии Баас не вняли доводам Джасема. В 1978 г. Министерство торговли и коммерции уведомило его о том, что для сохранения за собой фабрики он должен представить доказательства своего иракского гражданства и зарегистрировать его. Внезапно возникла реальная угроза лишиться всех средств к существованию.

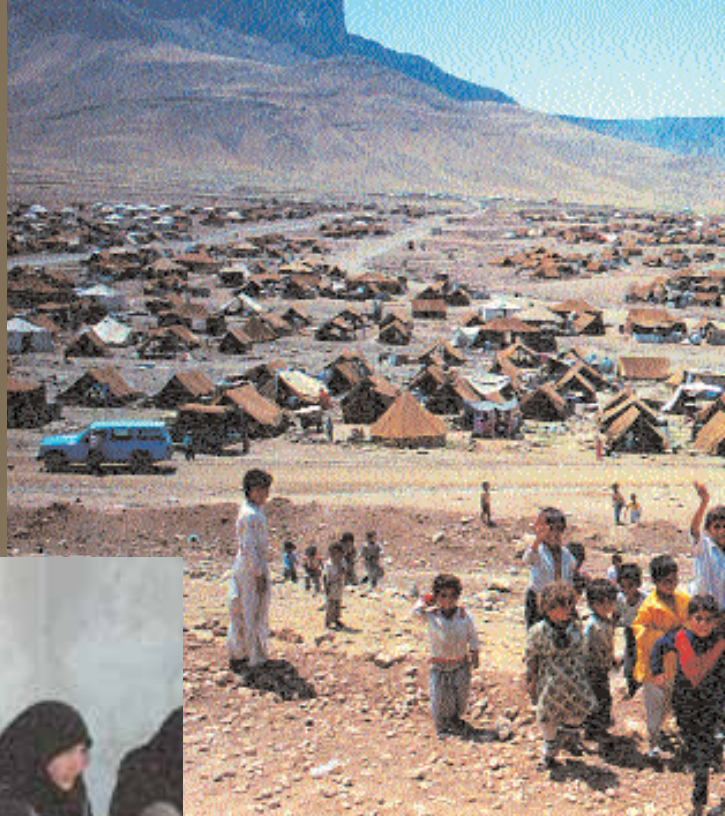
«В предписании говорилось, что я должен представить доказательства того, что мой дед, мой отец и я родились в Ираке, – вспоминает он. – Тогда я взял с собой документы, где на всех трех значилось: место рождения – Багдад, Багдад, Багдад. Но когда пришел в министерство, они посмотрели на мое удостоверение и сказали: “Тут говорится, что ты курд из племени фаили. Это так?” Я ответил “да, мы – фаили”, а этот человек сказал: “Тогда ты не иракец”. И отказался зарегистрировать Джасема.

Но вот в 1979 г. дело приняло совсем иной оборот, когда брата Джасема призывали в иракскую ар-

Хуже быть уже не может, но теперь у десятков тысяч людей из малоизвестной иракской группы появилась хоть какая-то надежда.

Жизнь в изгнании

Лагерь беженцев и школа для беженцев; старые, но такие ценные удостоверения личности; новобрачные Асам и Зейнаб переживают счастливый момент.

UNHCR / B. BOYER / CS / IRN-1991

UNHCR / M. VERNEY / DP / IRN-2004

мию. «Они попросили моего брата представить доказательство, что он иракец, и брат пояснил, что он действительно иракец, но из племени фаили, – говорит Джасем. – Военные начальники сказали: “В данном случае это не имеет значения. Ты иракец и, значит, можешь служить в армии”».

Тем временем самому Джасему снова отказали в гражданстве, потому что исламская революция 1979 г. в Иране усилила опасения Саддама, что шиитское население, особенно 2 млн. фаили, могут затеять смуту и выступить против его правительства, в котором преобладали сунниты.

В час ночи 4 апреля 1980 г. в дверь Джасема постучали сотрудники службы безопасности.

В ходе последовавшего в помещении службы безопасности допроса его спросили: “Откуда ты родом?”

- Я из Багдада.
- Как ты смеешь говорить, что ты из Багдада, когда здесь сказано, что ты курд фаили?
- Там сказано, что я фаили, но там же сказано, что я родился в Багдаде. Я иракец.
- Как ты можешь быть иракцем? Ты не иракец. Ты из Ирана.

Его жену, детей, братьев и сестер схватили, затолкали в грузовики и ночью повезли неизвестно куда. «Грузовик остановился. Нам скомандовали выходить и велели идти вперед, – вспоминает сегодня Джасем. – Впереди высились горы, и я понял, что

это была иранская граница. Я спросил: “Как же нам перейти горы с маленькими детьми?”».

“Если не пойдете, вас расстреляют, – сказали солдаты, добавив: – Иди к своему Хомейни (иранский религиозный вождь). Ты шиит, так что отправляйся и живи с иранцами”.

По ту сторону границы изумленные иранские солдаты приняли их, и после нескольких дней проживания в палатках их перевезли на грузовиках в провинцию Лорестан в лагерь беженцев в Азне. И вот уже 24 года Азна остается их домом.

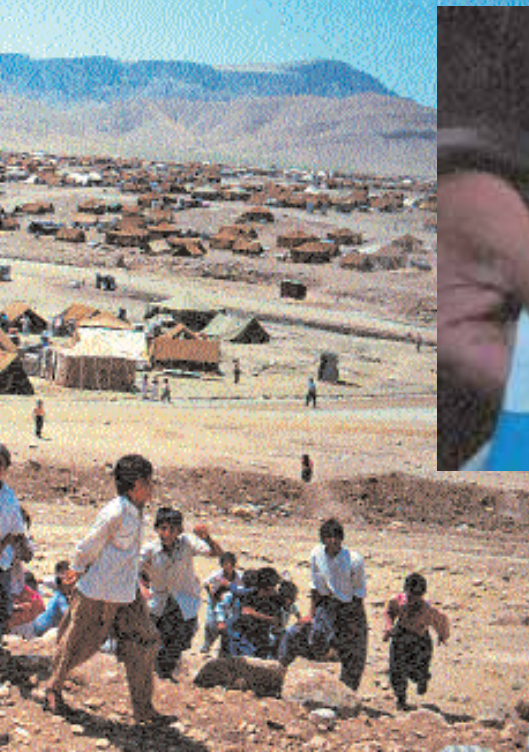
Обращались с ними хорошо, но когда его просят описать 24 года, проведенных в изгнании, Джасем может лишь сказать, что хочет вернуться домой. Как будто последнюю четверть века он прожил только для того, чтобы снова увидеть родину.

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ...

В начале 2003 г. в Иране находилось более 200 тыс. беженцев из Ирака, 1300 живут в Азне, из них 65% – курды фаили. Многим из них еще нет 20 лет, они родились в лагере и не знают другой родины.

Ирак кажется им мифической страной. На стенах смешанной – как для мальчиков, так и для девочек – школы висят картинки, изображающие Багдад и его базар. Это место, которого дети никогда не видели, но о котором так много слышали, знакомо им лучше, чем близлежащий город Азна.

ОНИ ЛИШИЛИСЬ НЕ ТОЛЬКО ДОМА, НО И РОДИНЫ – ОФИЦИАЛЬНО ПРАВОВОГО ВАКУУМА, СТАВ ЛИЦАМИ

UNHCR/M. VERNEY/DP/IRN-2004

UNHCR/M. VERNEY/DP/IRN-2004

Но не только дети оказались в безвыходном положении между воспоминаниями о прошлом и мечтами о будущем. Сын Джасема Асам провел 24 года из своих 30 в лагере. Ему было шесть лет, когда пришлось совершить форсированный марш через горы, и он очень хорошо помнит жизнь в Багдаде.

“Мы жили в просторном доме с большим садом, – говорит он. – Помню, у моего отца был красный велосипед, и иногда он сажал меня сзади и вез с собой на фабрику показывать готовую одежду”.

Асам, как и его отец и многие здешние курды фаили, не колеблясь говорит, что хочет вернуться. “Это моя страна, – говорит он. – Я иракец. Разве моя вина, что мои предки несколько веков назад пришли из Ирана?”

НЕПРОСТАЯ ПРОБЛЕМА

Большинство беженцев по всему миру разделяют чувства Асама о “возвращении домой”, и для УВКБ ООН предпочтительное решение – добровольная репатриация. Но эта, казалось бы, простая идея часто сопряжена с целым рядом трудностей, от необходимости отстраивать заново школы и больницы в разрушенных деревнях, обезвреживать противопехотные мины и до решения сложных проблем, связанных с реинтеграцией беженцев в среде тех, кто оставался на месте.

Особенно сложно решается проблема безгражданства. Во Всеобщей декларации прав человека под-

черкивается, что “каждый человек имеет право на гражданство”, но в мире до 9 млн. лиц не имеют гражданства.

Агентство ООН по делам беженцев недавно обратилось за содействием сразу к 192 странам, с тем чтобы впервые попытаться составить полную картину положения в данной области, что поможет и ему, и государствам решать эту проблему.

Эти первые признаки внимания обнадеживают находящихся в Иране курдов фаили. В конце прошлого года на встрече в столице Иордании Аммане УВКБ ООН заявило о необходимости налаживания диалога с новыми иракскими властями в целях решения проблемы лиц без гражданства и срочного рассмотрения положения тех из них, кто, как курды фаили, был лишен своего гражданства. В Ираке дали понять, что курдам фаили действительно разрешат вернуться.

А в Азне 20-летняя Зейнаб, родившаяся в лагере, говорит гостю: “У всех курдов фаили одна история. Имена у людей разные, а история одна и та же: изгнание, форсированный марш, утрата гражданства”.

В прошлом году Зейнаб вышла замуж за Асама и переехала через два строения в последнем ряду домиков в Азне. Сейчас она на пятом месяце беременности. И мечтает, чтобы ее ребенок родился не беженцем, а у себя дома, в Багдаде, и чтобы ему никогда не говорили, что он не иракец. ■

ЛИШЕННЫЕ ГРАЖДАНСТВА, ОНИ ОКАЗАЛИСЬ В СУМЕРЕЧНОМ МИРЕ
БЕЗ ГРАЖДАНСТВА – АПАТРИДАМИ.